

Цингуйгун, прибытие императора.

В покоях бокового дворца, несмотря на конец лета, еще не успело похолодать. Однако Благородная госпожа Чу, недавно разрешившаяся от бремени, была крайне слаба и опасалась сквозняков, поэтому окна и двери были наглухо закрыты, а у кровати даже горела жаровня с древесным углем.

Император посидел недолго, но на его лбу уже выступили капли пота. Благородная госпожа Чу, лежа на кровати, заметила это и поспешила приподняться, чтобы отереть пот с лица государя платком.

— Ваше Величество, — мягко произнесла она, продолжая свои действия, — здесь и впрямь слишком душно. Боюсь, долгое пребывание в этой комнате повредит вашему драгоценному здоровью. Может быть... вам лучше перейти в другие покои?

На самом деле император уже давно чувствовал себя не в своей тарелке. И хотя в последнее время он действительно благоволил к Благородной госпоже Чу, родившей ему наследника, в боковом дворце было невыносимо жарко.

Придя в Цингуйгун, император намеревался покинуть его не раньше, чем отужинает. Сейчас как раз наступило время трапезы, и раз уж сама Благородная госпожа Чу об этом заговорила, у императора не было причин для отказа.

— Хорошо, — ответил он. — Поправляйся, а я приду навестить тебя, как только выдастся свободная минута.

Перед уходом кормилица принесла маленького принца, чтобы император мог на него взглянуть. Полубоовавшись ребенком и немного поиграв с ним, государь поспешно поднялся и покинул покои.

Вскоре Благородной госпоже Чу подали ужин. Из-за слабости она ела прямо на кровати, что было довольно удобно. Её верная служанка, матушка Цинь, лично прислуживала госпоже. Две дворцовые девушки внесли небольшой столик, на котором расставили три тарелки и шесть блюд.

Матушка Цинь принялась раскладывать кушанья. Все блюда были приготовлены строго по предписаниям имперских врачей: без острого, без жирного, без лишней соли и кислоты.

Бедняжка Благородная госпожа Чу была родом из Яочжоу и из поколения в поколение в её семье любили всё кислое. Попад в дворец, она не могла представить ни одного приема пищи без этого вкуса — будь то рыба в кислом супе, кисло-острые приправы или настой из слив. Ей хотелось кислого до безумия.

Однако в период после родов ей категорически запрещалось употреблять подобные продукты, и ей приходилось проявлять немалое терпение. Глядя на пресные блюда перед собой, она прикусила губу и не притронулась к палочкам.

Матушка Цинь служила госпоже еще до того, как та попала во дворец, и знала все её привычки. Она улыбнулась, и на её лице собрались морщинки. Словно уговаривая ребенка, она тихо произнесла:

— Госпожа, потерпите немного. Как только выйдет срок, вам больше не придется есть эту безвкусицу.

Благородная госпожа Чу была еще совсем молода, и в присутствии старой служанки, когда рядом никого не было, она позволила себе проявить слабость. Взяв кусочек корня лотоса, она принялась есть его маленькими порциями и по-детски ворчать:

— Каждый раз одно и то же. Сил моих больше нет, больше я рожать не стану.

Матушка Цинь испугалась и даже прикрыла рот рукой:

— Ой, госпожа, такие вещи говорить нельзя, ни в коем случае нельзя!

Благородная госпожа Чу, по своей детской натуре, просто сболтнула лишнее. Она быстро осознала свою оплошность, отвела взгляд и, уткнувшись в тарелку, замолчала.

Матушка Цинь вздохнула. Помолчав немного, она вспомнила нечто важное и не удержалась:

— Госпожа, сегодня я видела Супругу Мэй. Она была разодета в пух и прах, наложила новый макияж. Похоже, она заранее знала, что Его Величество не останется у нас ужинать.

Благородная госпожа Чу молча ела кашу, не проявляя никаких эмоций. Матушка Цинь выждала паузу и продолжила:

— По правде говоря, Супруга Мэй — законная дочь господина Мэя, а он сейчас у императора на особом счету, его власть и влияние растут день ото дня. Даже если вы родили принца, зачем ей обращать на нас внимание? У неё ведь тоже есть сын. Я никак не могу взять в толк, чего она добивается. В любом случае, госпожа, нам нужно быть начеку.

Благородная госпожа Чу медленно помешивала кашу. В её взгляде, уже не таком оживленном, как раньше, читалось спокойствие:

— В конечном счете... каждый берет то, что ему нужно.

Было очевидно, что она не желает вступать в борьбу с Супругой Мэй. Матушка Цинь разволновалась, бросила палочки из слоновой кости и воскликнула:

— Госпожа, сейчас нельзя проявлять беспечность! У вас на руках трое сыновей императора! Нужно воспользоваться случаем и завоевать любовь Его Величества, тогда со временем вы сможете получить титул супруги!

Не так давно она была всего лишь скромной наложницей, но теперь, после рождения третьего принца, хотя в ближайшее время повышение было маловероятным — прецедентов еще не случалось, — но, по мнению матушки Цинь, единственный способ добиться своего — это стараться еще больше, чтобы император чаще жаловал её своим вниманием.

Матушка Цинь говорила до тех пор, пока у неё не пересохло во рту. Она посмотрела на госпожу и обнаружила, что та совершенно не разделяет её беспокойства, оставаясь невозмутимой.

Когда матушка Цинь собралась продолжить, Благородная госпожа Чу наконец заговорила:

— Матушка.

Она произнесла это слово с нажимом, отбросив детские интонации. Матушка Цинь вздрогнула от неожиданности. Она увидела, что госпожа смотрит прямо на неё, и в её больших миндалевидных глазах, которые обычно светились нежностью, сейчас не было ни тени волнения. Это спокойствие пугало служанку.

— Всему свой срок, — произнесла Благородная госпожа Чу, слегка приподняв подбородок.

Матушка Цинь лишилась дара речи. В атмосфере её растерянности и невозмутимости госпожи трапеза быстро подошла к концу.

После еды в животе возникла тяжесть, и Благородная госпожа Чу почувствовала себя неважно. Но она не могла встать с постели, и даже нужду приходилось справлять здесь же, с помощью служанок. Делать было нечего, гулять она не могла, поэтому она обратилась к матушке Цинь:

— Матушка, принеси ребенка, я хочу на него взглянуть.

Матушка Цинь уже собралась сама пойти за младенцем, как вдруг из соседней комнаты раздался пронзительный детский плач.

Как мать, Благородная госпожа Чу встревожилась и чуть не вскочила с кровати:

— Что случилось? Почему мой малыш так кричит?!

Матушка Цинь поспешила удержать её за руку, успокаивая. Кормилица выбежала из комнаты и, упав на колени, начала просить прощения: оказалось, маленький принц просто поперхнулся молоком.

Такое случалось часто, и Благородная госпожа Чу облегченно вздохнула:

— Слава богу, всё в порядке. Принеси его сюда, я успокою его.

Однако матушка Цинь сделала кормилице знак глазами, приказывая той выйти.

— Матушка? — удивленно спросила Благородная госпожа Чу.

— Госпожа, представился случай! Я сейчас же пойду и позову Его Величество! — Матушка Цинь выглядела так, будто предлагала нечто выдающееся.

Лицо Благородной госпожи Чу мгновенно окаменело.

— Не смей.

Два коротких, сухих слова. Её взгляд стал тяжелым. Матушка Цинь не поняла: она решила, что госпожа не уловила её замысла, и собралась объяснить всё подробнее, но Благородная госпожа Чу посмотрела на неё с ледяной серьезностью:

— Я сказала: не смей беспокоить Его Величество, пока он ужинает с Супругой Мэй.

— Но... — попыталась возразить матушка Цинь.

— Если из-за такой мелочи, как поперхнувшийся ребенок, я буду отвлекать императора, что он обо мне подумает?

Обычно Благородная госпожа Чу была мягка и в разговоре о себе говорила просто я, но в этот раз она дважды использовала обращение госпожа.

Матушка Цинь понурила голову, молча склонилась и позвала кормилицу, чтобы та принесла маленького принца.